

Ūdin, Aleksej V.

Концепт 'чужбина'/'чужина' в русском и украинском языке : сопоставительный анализ

Etnolingwistyka 20, 77-94

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego uŹytku.

Алексей В. Юдин
(Гент)

КОНЦЕПТ ЧУЖБИНА/ЧУЖИНА В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Celem artykułu jest zainicjowanie dyskusji na temat metod analizy pojęciowej blisko spokrewnionych języków. Proponuję analizę porównawczą leksykonu aksjologicznego w języku rosyjskim i ukraińskim, na podstawie pojęć *чужбина* i *чужина* ('obcy kraj' lub szerzej 'każde miejsce, które nie jest domem'). Pojęcia te odgrywają w obu kulturach pierwszorzędą rolę. W artykule autor analizuje tradycyjny ich obraz w folklorze na podstawie pieśni, wierszy religijnych, ballad, wierszy żalobnych, kołęd, przysłów, idiomów i toponimów. Porównuje definicje leksykograficzne słów *чужбина/чужина* od średniowiecza do chwili obecnej, utarte połączenia tych słów i ich synonimów z innymi leksemami, a także wybrane konteksty literackie ich użycia.

Чужына — зямна як марцовыі цомпель...²

Семан Мадзелян, *Смак долі*. Криниця, 2000, с. 139

На протяжении XIX–XX столетий Россия и Украина пережили несколько волн многомиллионной эмиграции (последняя из которых продолжается до сих пор). Исключительное развитие получили в связи с этим дискурсы отъезда и возвращения на родину, эмиграции и ре-эмиграции, «горького хлеба чужбины» и т. п., а в советский период также — «предательства родины» и «прощения родиной раскаявшегося изгнанника». Отдельно существовал и существует (среди прочего в русскоязычной периодике за рубежом и в интернете) эмигрантский дискурс о родине. В любом случае концепты *родина* / *батьківщина* и *чужбина*

¹Автор благодарит Наталью Костяк, чья постоянная готовность помочь советом и вступить в дискуссию очень помогла ему при написании статьи.

²'Чужбина холодна, как мартовская сосулька' (лемковский диалект).

/ *чужина* чрезвычайно важны для обеих культур, а способ говорить о них, в Западной Европе характерный скорее для (ультра)правого националистического дискурса и старых национальных гимнов³, остается в Восточной Европе почти нейтральным и в постсоветские годы активно развивается в связи с общим ростом национализма. Данная статья, написанная в развитие и продолжение нашей работы, посвященной концепту *родина* (Юдин 2003), призвана представить некоторые материалы для сопоставления содержания и функционирования концептов *чужбина* в русском и *чужина* в украинском языке и культуре.

Как мы уже отмечали в названной выше работе, русский концепт «родина» представляется уже неплохо исследованным (см.: (Колесов 1986), (Wierzbicka 1993 [1999]), (Lewicki 1993), (Bartmiński и др. 1998), (Купина 1999), (Телия 1999), (Степанов 2001), (Сандомирская 2001), (Жданова 2004). Были отдельные работы и об украинском концепте (см.: Lesiów 1993; Антипенко, Карнаушенко 1993). Существуют специальные исследования польского концепта *ojczyzna*, а также сборник статей под ред. Е. Бартминьского о понятии *родина* в славянских и других европейских языках: (Pojęcie ojczyzny 1993). В этих работах так или иначе затрагивался и оппозиционный *родине, своей стране* концепт *чужбина / чужая страна / заграница*.

С. М. Толстая, анализируя понятие ‘родина’ в традиционной культуре славян, обратила внимание на его, с одной стороны, относительную для этой культуры маргинальность, а с другой — на связь с понятиями рода и родства (Tolstaja 1993). В сущности, граница между «своими» и «чужими» людьми (а именно на этой оппозиции, а также на противопоставлении «своей» и «чужой» земли, базируются концепты *родина* и *чужбина*) проходит там, где заканчиваются представления о родстве, родственности, единстве, базирующиеся на кровной близости или — шире — на свойстве, затем на родстве «молочном», «крестном» (кумовстве, побратимстве), соседстве (т.е. единстве широко понятого «места»), и, наконец, если выйти за пределы традиционной культуры, на родстве диалектно-территориальном (землячестве), и шире — единстве духовном, религиозном, языково-историко-культурном и политико-государственном (ср. польск. *rodacy* для обозначения соотечественников, всех поляков вообще, в том числе и в диаспоре). Концепт ‘родина’ в славянских языках формируется на базе лексем со значением рода, семьи, родни (рус., болг. *родина*, белор. *родзіна*, *радзіма*) или отцовского наследства, наследного имения (рус. *отчизна*, укр. *вітчизна*, пол.

³Ср. политическую «скомпрометированность» лексем типа *Vaterland*, *fatherland*, *vaderland*, *patrie*, *patria*.

ojszuzna...). Можно предположить, что точно так же вслед за ним и русская *чужбина* и украинская *чужина* постепенно расширяли свое значение от простого представления о чужом имуществе (ср. старое рус. разг. *на чужбинку*, что соответствует сегодняшнему прост. *на дармовицину, на халяву — покурить на чужбинку*), а также о чужом доме, соседней деревне, «чужих людях»⁴ (куда отдают замуж девушку) до значения «чужая земля, страна, заграница, весь мир за пределами родины». Кстати, прасл. этимон **tjudjъ*, обычно толкуют как производное от готского заимствования со значением ‘народ’, т. е. как ‘людской’, ‘принадлежащий народу, другим людям’ (Фасмер, т. 4: 379). Эта мотивация могла быть первоначальным представлением, заложенным в постепенно абстрагировавшийся концепт. Разумеется, понятие о *чужбине* тесно связано, с одной стороны, с широко представленным в фольклоре и письменных источниках понятием *чужой земли / чужой стороны*, а с другой — с более современным понятием *заграница* (разг. *закордон*, несколько устаревшее *загранка*). Эти лексемы, однако, различают коннотации, типичные контексты, стили и жанры употребления. В любом случае первоосновой формирования концепта *чужбина* представляется традиционное народное представление о *чужой сторонкушке*, чужом пространстве, известное из фольклора.

Фольклорное представление *чужой стороны*

Образ чужого пространства в фольклоре далеко не всегда представлен соответствующими лексемами, возможны и развернутые описания, которые позволяют нам увидеть некоторые детали ландшафта *чужой стороны*. Образ ее существенно различается в разных фольклорных жанрах. В частности, восточнославянская волшебная сказка представляет чужое пространство, мир иной, начинающимся на границе леса или же находящимся под землей либо на небе. Однако оно имеет признаки и просто некой другой страны: это царство, хотя и очень далекое, и у него есть свой правитель.

Эпические зачины русских заговоров, в которых представлена концентрическая «эпическая» модель пространства, представляют чужое пространство начиная также с чистого поля, за которым следует обычно гора, остров на море и др., где находятся магические помощники и защитники. В заговорах также широко представлен иной образ чужого

⁴Ср. возможное этимологическое сближение понятий ‘чужой’ и ‘народ’ (Фасмер 1987).

пространства, как далекой (видимо, южной) области, куда отсылаются болезни (демонические существа, их вызывающие), но также и воры. Характерным признаком этой области является то, что там не слышны голоса людей и домашних животных. Это, таким образом, мир «не-человеческий», где, однако, приготовлено угощение и теплые постели для изгоняемых туда демонов. Перед нами скорее представление о потустороннем мире, чем о реальной загранице, хотя в заговорах может встречаться реальная локализация этого места: горы Араратские (они, впрочем, могут стоять на острове Буяне). Кстати, сходное представление отразилось в украинской классической литературе. Ср. следующее место из драмы Карпенко-Карого «Підпанки»:

*Десь далеко в степу, на чужині, над морем, в пуці, в яру глибокім, куди і ворон нічий кисті не занесе, збудуємо собі з Василюю хату і будем жити до смерті; ніхто не знайде нас, бо тільки вітер знатиме, де ми!*⁵

Здесь в литературном тексте мы видим конструкцию, чрезвычайно напоминающую заговорную. Сверх структурного подобия, она развивает фольклорное представление о *чужині* как своего рода далеком антимире, где все противоположно миру человеческому.

Из реальной заграницы в русских заговорах упоминается *Немецкая земля*, а также *Палестина* (которая, впрочем, воспринималась не как чужбина, а как, напротив, своего рода центр мироздания) и *Рим* (когда речи идет о Папе Римском). В украинском заговоре (также в библейском контексте) встречается *Египет*.

Русские духовные стихи, как и заговоры, обычно остаются в пределах «Святой Руси», т. е. православного мира, но включают в свою модель пространства также мир иной, куда души попадают при помощи перевоза через реку.

В свадебных причитаниях *чужой*, или даже *чужой дальней ознобной сторонушкой* (пудожские заплачки невесты из собрания Рыбникова) называется место, куда идет замуж невеста (*на чужу дальню сторону ко чужому чуженину, во чужи люди, Во чужу сторонушку, во лиху семью. Чужая сторонушка — без ветру сушит, чужой отец с матерью без дела бранят*). Примерно так же, *чужедальней стороной*, называется мир иной и в похоронном причитании.

Для эпических, героических текстов русского фольклора, былин, чужим пространством оказывается чаще всего *поле*, т. е. степь, начинавшаяся за юго-восточной границей Московской Руси, откуда приходили

⁵<http://www.library.kr.ua/elib/kariy/pidpanyk.html> (28.09.2007).

враги-кочевники. Границей этого пространства может быть река, у которой богатыря поджидает демонический противник. Чужим пространством может представляться и *лес*. Также в былине может быть описано иное, «инишное» царство с царем Собакой, которое поджигают скомо-рохи.

В русских исторических песнях XIV–XVII вв. география конкретизируется в связи с описываемыми в них событиями: мы видим здесь *Казань*, *Азов* и вообще южные рубежи России, в этих песнях присутствуют татары и турки (но есть и более поздние песни, посвященные Северной войне и даже войне с Наполеоном)

В украинских думах главные «чужаки» — это те же татары и турки, с которыми воюют казаки. Кроме того же Азова и Сибири (оттуда возвращается Устим Кармалюк) в думах упоминаются *Варшава*, *Царьград*, *Очаков*, *Дикое поле*, *Трапезунд* (*Ой із города із Трапезонта виступала галера, Трьома цвітами процвітана, мальована: Ой первим цвітом процвітана — Златосиніми киндяками побивана; А другим цвітом процвітана — Гарматами рештована; Третім цвітом процвітана — Турецькою білою габою покривана*). Исследователи неоднократно указывали на реалистичность этого изображения. Есть и следующее обращение: *Алкане-пашо, трапезонський княжату, молодий паняту*.

География украинских колядок еще более разнообразна. Кроме своих и палестинских городов и рек, *Царьграда* и *Египта* мы встречаем в них *Эфес* (где стоит идол языческой богини Дианы), *Персию* (откуда идут на поклонение Христу волхвы), а также *Турцию*, *Валахию*, *Венгрию*, *Литву*, *Польшу* (*Ляцка земля*), *Германию* (*Німеччина*, *Німецька земля*), *Московщину*, *Татарщину*, т. е. просто все окружающие Украину земли, откуда чаще всего возвращается персонаж колядки. Встречается и собственно лексема *чужа земля*: в нее собираются по Дунаю парубки искать доброго пана (*Краєм-Дунаєм, я в чужую землю*). В украинской лирической песне на чужбине (*чужинька*) тяжело жить, и парубок, уезжая туда, сомневается, что когда он вернется, девушка еще будет его любить.

Таким образом, в фольклоре присутствует обобщенный образ *чужой стороны*, который может включать в себя всё — от соседней деревни до далекой заграницы «за морем» (хотя чаще всего под ней подразумевается нечто более близкое), а также более или менее конкретные образы соседних стран и народов. Святая Земля и библейская география вообще явно исключаются из общего образа *чужой стороны*. Это же характерно и для концепта *чужбина/чужина*, с той только разницей, что эта лексема может актуализировать свое ранее значение ‘чужая собственность’ (ср. *покурить на чужинку*).

Ясно, что традиционный человек не ждал от чужого мира ничего хорошего, что, конечно, повлияло на позднейшие коннотации *чужбины* в литературном языке. Подтверждается это и огромным количеством пословиц, описывающих чужбину в самых черных красках. Их перечень занял бы несколько страниц, так что попытаемся воспроизвести здесь только обобщенный образ *чужбины* / *чужої сторони* на материале русских пословиц из собрания Даля и некоторых других. В русских пословицах на чужбине горе, слезы, печаль, тоска, там всё называют иначе, там не жалеют, там тошно, скучно, печально, тоскливо, постыло, там скучаешь по родным, там как в лесу, там всем приходится кланяться, там все враги. Единственным достоинством чужой стороны признается то, что она «прибавит ума». Встречаются, конечно, и «космополитические» пословицы (*Где ни жить, только бы сыту быть*), и «примирительные» (*И за рекой люди живут, И за горами люди*), но они единичны. Особо показательна известная пословица *За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое*, где жизнь в своей стране представляется самодостаточной ценностью, вовсе не обязательно обеспечивающей хорошую жизнь, но дающей что-то большее, чем счастье: ощущение «своего». Впрочем, далеко не всегда понятно, какую именно чужбину имеет в виду пословица: соседнюю деревню, другой регион, город для деревенского жителя или настоящую границу; последнее, кажется, реже всего. Специально о пословицах на интересующую нас тему см.: Свицова А. А. *Лингвокультурная доминанта «дом — родина — чужбина» в русских и английских пословицах*: Автореф. дисс. . . к.ф.н. Ижевск, 2005.

Довольно большую подборку украинских пословиц, связанных с темой родины и чужбины, приводит украинский этнолингвист В.В. Жайворонек. Автор делает на ее основе некоторые выводы об украинском менталитете. Прочитируем, несмотря на объем, целиком это весьма характерное место из его работы:

... У свідомості українця рідний край (рідна країна) — це рай (*Рідний край — земний рай*), рідна земля (сторона) — мати, чужа — мачуха (*Рідна земля (сторона) — мати, а чужа — мачуха*). Чужа країна (чужина) асоціюється з чужими (не батьківськими) звичаями, законами (*Чужа чужина — не батьківщина*), з незвичним довкіллям (*На чужій стороні і весна не красна; На чужині і сонце не гріє*). Інакші обставини життя, відстань роблять людину самотньою, відірваною від родини, рідної землі, вітчизни, отже сиротою (*Як заїде на чужину, то хоть бородатий, а сирота*). Чужий ритм, відмінне світосприйняття, а тим самим і незвичне пульсування життєвої енергії вселяє тугу (... *Чужа країна, невесела година*), порушує душевну рівновагу (*Болять мене голова, що чужая сторона*), навіть розпач-закликання (*Не дай, доле, в приймах жити, а на чужині гинути*). Тому чужину порівнюють з домовиною (*На чужині, як у домовині*). Таким чином, вималюються протилежні асоціативні ряди символізованих лексем і лексичних сполучень: *свій (рідний) край (своя, рідна*

країна, сторона) — *рай* — *мати* — *батьківщина* (*вітчизна*); *чужий край* (*чужа, інша країна, сторона*) — *чужина* — *мачуха* — *домовина*. Ідентифікація себе зі своїм краєм (країною, етносом), усвідомлення власного „я” часткою етнічного „ми” стають мірилом найвищих моральних цінностей, що, зрештою, виливається у високі патріотичні почуття (*Лучше в рідній країні кістьми полягти, ніж на чужій слави досягти; За рідний край хоч помирай; Нема в світі, як своя країна*).

Опозиція свій/чужий належить до загальнолюдських моральних механізмів вибору між ознаками категорій добра і зла, пор. російське: *Лучше дома иметь половину, чем целое на чужбине*. [...] Проте загальнолюдська система цінностей так чи інакше живиться через етнічне коріння — національними смаками, традиційними природними зв'язками етносу, його психологічними характеристиками та ін. Передусім це відбивається в лексичній етносимволіці: *В чужім краю і солов'ї лем цвірінькають; Рідна земля і в жмені мила*. Національно-культурні стереотипи диктують критерії оцінок. Останні зумовлюються емотивними реакціями на ту чи іншу стандартну ситуацію. Скажімо, з типового асоціативного лексичного ряду „мати — родина — рідна земля” для українця постають імперативи: *Та земля мила, де мати родила; Де мати народила, там і родина*. Психофізіологічні ознаки українського менталітету „голова (серце) болить” (тобто „людина тужить, нудьгує, страждає, сумує”) стають основою аксіологічних суджень на зразок *За своїм краєм серце болить; Болить мене голова, що чужая сторона*. (Жайворонко 2001: 51–52).

Выводы автора кажутся нам, однако, чересчур идеологизированными. Само собой разумеющимся для него является тезис, что в пословицах (устойчивые народные афоризмы, часто моралистического характера), и вообще в фольклоре, языке, обычаях и т. п. отражается сознание некоего «украинца», т. е., вероятно, типичного (или прототипического?) представителя «этноса». Прежде всего, не совсем понятно, какой именно этап развития украинского этнического/национального сознания и какого исторического периода представляют пословицы. В любом случае, они сложились достаточно давно, и неясно, можно ли вообще на их основании делать какие-либо выводы о современном «украинском менталитете», «психологических характеристиках этноса» и т. п. — понятиях и без того чрезвычайно неконкретных и в сущности представляющих собой закамуфлированный более современной терминологией *Volksgeist* (также *Volksseele, Nationalgeist, Geist der Nation, Volkscharakter*) национал-романтиков. По нашему мнению, на собранном В.В. Жайворонком материале можно делать более-менее обоснованные выводы в лучшем случае о фрагменте языковой картины мира, представленном в украинских народных пословицах определенного исторического периода (преимущественно XIX век), — и не более того. Любые дальнейшие реконструкции «народной психологии» методологически неосновательны и сами представляют собой примеры неоромантического научного дискурса, т. е. скорее материал для дискурсивного анализа, чем собственно научные тексты.

Словарные дефиниции *чужбины*

Рассмотрим словарные дефиниции *чужбины/чужини*. В *Словнику староукраїнської мови XIV–XV ст.* (ССУМ) слово *чужина* не зафиксировано, однако в текстах XV в. уже есть прилагательные *чужий, чужинний* в значении «иностранный», «иноземный», есть также сочетания *от чужеси земли* (противопоставлено от *нашеи земли*, 1453), *люди съ чоужыть землю*, зафиксировано и слово *чужоземець* (XV в.). (ССУМ, т.2: 550) В средневековье (как и в современном языке) в зависимости от точки зрения говорящего *чужой землей* можно было назвать как землю соседа, так и чужую страну. Но лексема *чужбина/чужина* приобретает значение ‘чужая страна’ достаточно поздно.

Тем не менее у Пушкина мы уже находим ясное противопоставление *отечества чужбине* (ср. хрестоматийное: *Куда бы нас ни бросила судьбина, И счастье куда б ни повело, Всё те же мы: нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село*), однако не совсем ясно, какое именно отечество (в узком или широком значении) и, соответственно, какую именно чужбину он имел в виду. Однако в других контекстах чужбина у Пушкина — явно чужая страна. Это Литва для Курбского, который восклицает у Пушкина на русской границе: *Святая Русь, Отечество! я твой! Чужбины прах с презреньем отряхну С моих одежд...* (СЯП, т. 4: 952–953) Заграничные цари у Пушкина — *цари чужбины*. За границу Пушкин может называть *чуждые пределы*, там живет *племя чуждого закона*, там *чуждый язык, чуждые слова*. Видно, что для Пушкина церковнославянизм *чуждый* и русское слово *чужой* еще синонимичны и лишь обладают разной стилистической маркированностью. В современном языке их значения и синонимические ряды разошлись.

Даль (видимо, под влиянием господствующего литературного употребления) выделяет две лексемы — *чужина (-нка)* и *чужбина*, и приписывает им разное значение. Первая (с помеченным как западный вариантом *чужбина*) у него означает чужую собственность. Вторая (на этот раз с вариантом *чужина*) — ‘чужая сторона’, ‘место вне родины, оседлости, жительства’. Примеры (*Одна сваха чужбину хвалит* и т. п.) показывают, что имеется в виду «близкая», «крестьянская» чужбина. Жителей чужбины и просто чужих людей называют, согласно словарю Даля, *чуженин, чужбинин, чужбинник, чужень/чуженинка, чужак/чужачка*. Даль приводит пословицы о чужой стороне: *Чужая сторона прибавит ума. На чужой стороне и сокола вороной назовут.* (Даль, т. 4: 613).

Словарь языка Шевченко в качестве первого значения прилагательного *чужий* дает: 'Означення місцевості, яка не є батьківщиною, або місцевості, де людина не живе постійно (про край, землю, поле і под.)' (СМШ, т. 2: 417).

Дискурс чужбины и изгнания очень характерен для Шевченко в связи с его личной судьбой, так что не удивляет богатство примеров в словаре: *Тяжко, важко умирати У чужому краю... І довелось колись мені В чужій далекій стороні Заплакати, що немає роду, Нема пристанища, господи!... Нехай ще раз усмітнеться Серце на чужині, Поки ляже у чужу землю.* (там же) *Серце одпочине І полине із чужини На свою країну.* (там же: 418). Ср. также знаменитое *І виріс я на чужині, І сивію в чужому краю...* Далекую заграницу Шевченко называет еще *чужоземщина*: *Я щось не дуже ударяю на Академію, а в чужоземщині хочеться бути* (там же). Однако прилагательное *чужоземний* у Шевченко не встречается.

Свое первоначальное «узкое» значение слово *чужина* (с ударением на втором слогe) сохранило в украинском языке до сего дня (хотя оно считается устаревшим). В Словаре Гринченко (Гринченко, т. 4: 476) это слово поясняется как 1) 'Чужбина' (*Ой піду я з туги на чужину*). Здесь не совсем ясно, какая именно чужбина имеется в виду. 2) 'Чужие люди, чужой человек'. В качестве примеров приводятся цитаты-высказывания, явно касающиеся судьбы невесты или сироты-приемыша: *Привикай, привикай, серденьятко мое, поміж чужиною. Чужа чужина не пожаліє. Кланяйся, дитя мое, чужій чужині. В мене невітна чужа чужина. Чужа чужинионька — не рідна родинионька.* Последний пример ясно показывает, что речь идет о чужой семье. Напомним, что для Гринченко и *батьківщина* имеет еще только значение уследованного от отца имущества, а в переносном смысле — наследия предков вообще. С другой стороны, первый пример, приводимый Гринченко в статье *чужий* — *Зайшов аж у чужу землю* — имеет «территориальное» значение. *Чужа сторона* у него переводится как 'чужбина' (там же) и иллюстрируется пословицами *На чужій стороні кланяйся їй вороні* и *Виряжала мати дочку в чужу стороночку*: в первой явно имеется в виду «чужая страна», а во второй скорее — ближняя чужина и «чужие люди», далекое замужество. Таким образом, сочетания *чужа земля, чужа сторона* (как и рус. *чужая земля*, а в фольклорных контекстах и *чужая сторона*, ср. также *чужая страна, чужестранний*) функционируют как синонимы *чужини/чужбины* в ее «территориальном» (чужой край), а позднее и «территориально-государственном» (другая страна) значении, но при этом названные значения с трудом отделяются от значения «чу-

жая семья», «чужие люди», «чужое село». Видимо, содержание и украинского, и русского концепта постепенно расширялось вместе с расширением личного кругозора носителей языков, прежде всего крестьян, и особенно в первой трети XX века, в эпоху смут и больших перемещений масс людей (войны, революции, распад империи и ее восстановление, (э)миграция, затем раскулачивание и ссылки).

В словаре зафиксированы уменьшительные формы *чужинка*, *чужинюшка*, *чужиночка* с особой горько-сожалеющей и одновременно ласковой коннотацией.

Современные словарные дефиниции интересующих нас слов весьма сходны, синонимические лексемы могут определяться одна через другую. Приведем для сравнения несколько словарных статей, опуская в большинстве случаев примеры.

Вышедший в советские годы словарь Ушакова определяет *чужбину* следующим образом: 'Чужая сторона, земля'; противоп. родина. *В чужбине свято наблюдаю родной обычай старины*. Пушкин. (Ушаков, т. 4, стлб. 1304).

Зафиксированы в словаре Ушакова *чужая сторонушка* (*Чужая-то сторонушка не сахаром посыпана, не медом полита!* Некрасов) и *чужая земля* в значении 'чужая территория'. Примером последнего является высказывание Сталина из Политического отчета ЦК XVI съезду ВКП(б) (27 июня 1930 г.): *Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому* (там же, стлб. 1305). Ср. знаменитые строки из *Марша трактористов* (композиторы братья Покрасс, стихи Б. Ласкина) для кинофильма *Трактористы* (1938, реж. И. Пырьев): *Чужой земли мы не хотим ни пяди, Но и своей вершка не отдадим*.

В словаре Ожегова–Шведовой находим: (высок.). 'Чужая страна.' *На чужбине*. (Ожегов: 889). Там же представлены синонимические выражения *Чужая сторона*. *Чужие края* (чужбина).

В четырехтомном словаре под ред. А.П. Евгеньевой *чужбина* определяется как 'чужая страна, земля' со следующими примерами: *О, если б, теплою мольбой Обезоружив гнев судьбины, Перенестись от скал чужбины Мне можно было в край родной!* Баратынский, *Пиры. Что может быть грустней, когда твой друг уезжает на родину, а ты остаешься на чужбине!* Билль-Белоцерковский, *Письмо*. (СРЯ, т.4:692).

Чужой в шестом значении определяется там же следующим образом: 'Не являющийся родиной или местом постоянного жительства для кого-л.' *Заночевать, вишь, пришлось в чужой стороне*. Григорович, Антон-Горемыка. *Маланья Дунаиха взята из чужой деревни — Ма-*

левки. Л.Толстой, Идиллия || 'Относящийся к иному государству, стране или другому народу'. *Чужой язык. Чужие обычаи. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях.* Пушкин, Дубровский. *Неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины, под чужим небом.* Достоевский, Белые ночи. (Там же: 693).

БТСРЯ (2000 г.) дает все ту же дефиницию: 'Чужая страна, земля (в отличие от родины).' *Оказаться на чужбине. Попасть на чужбину. Далекая, горькая ч. Зброшен на чужбину судьбой, войной. * Нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село* (Пушкин). (БТСРЯ: 1486) В словаре зафиксированы также примеры: *Попасть в чужие края, чужие страны. Жить на чужой сторонешке. Похоронен на чужой земле.*

Та же дефиниция повторяется и в КСРЯ: 'Чужая страна, земля.' *Далекая чужбина. Вернуться (возвращаться) с чужбины. Уехать на чужбину. ... Любовь к отечеству сильнее живет на чужбине* (Гранин). *Чужбина — всегда чья-нибудь родина* (Кривин). (КСРЯ: 1206). Для пятого значения прилагательного чужой ('Такой, который относится к иному государству, не является родиной или местом постоянного жительства для кого-л.') даются следующие примеры: *Чужой город, язык. Чужая страна. Чужие берега, места. * Или тебе ничто не мило на родной стороне? Видно, на чужой милее* (И.Гончаров). *Без крова, на чужой земле, вдали от мест родных, Страданий всех не описав, так тяжко умирать!* (Симонов). *Общая работа объединяла их [Зубра и Лёльку] накрепко, потом соединила и чужая страна, в которой они очутились* (Гранин). (Там же.)

НСРЯ лишь слегка изменяет определение СРЯ: '**Чужбина.** Чужая сторона, земля.' (НТСР, т.2: 995) Но это изменение существенно, т.к. «страна» имплицитно означает иное государство, в то время как «сторона» может означать и соседний район. Таким образом, современный словарь отчасти возвращается к историческому, но в значительной степени потерявшему актуальность в русском языке широкому пониманию *чужбины*. В этом же словаре в качестве синонима для *чужие страны* дается устаревшее *чужеземщина* (там же), слово, которому БТСРЯ приписывает только значение: 'О чужом, иностранном (о культуре, обычаях, моде и т. п.)' (Книжн. Неодобр.). (с. 1486)

«Русский семантический словарь» также объединяет узкое и широкое значение *чужбины*: (высок.) 'Чужая страна, чужое место.' *Жизнь на чужбине. Умереть на чужбине.* (РСС: 13)

Своеобразное «определение» русской *чужбины* дает размещенный в интернете «Сборник вопросов и ответов — помощник кроссворди-

ста»: ‘пространство за кордоном’ (<http://crossword.metromir.ru/125209,25.09.2007>). Оно представляет точку зрения современного горожанина, которому старое узкое значение слова чаще всего просто неизвестно.

Сравним теперь дефиниции современных украинских словарей.

СУМ определяет *чужину* в первом значении как ‘Чужа, далека земля, країна’. Кроме хрестоматийных шевченковских строк, приведенных выше (... *І світю в чужому краю*), лексема иллюстрируется еще рядом цитат из украинской классики, создающих весьма негативный образ *чужини*:

... Скажіть мені, що мій чоловік на чужині, як проживає?

Не вернувся козаченько, Помер на чужині.

Сиротина я безродний, Десь загину на чужині. (СУМ, т.11: 379)

В качестве второго приводится значение ‘чужі, нерідні люди’. Отдельно иллюстрируется имеющее те же значения, но более эмоциональную коннотацию, устойчивое сочетание *чужа чужина*, а о людях также *чужа чужаниця* (там же, НТСУМ, т.3: 781; ВТССУМ. с. 1384). Словарный вариант *чужа чужанина*, по-видимому, является результатом случайной ошибочной интерпретации генитива от русского (!) фольклорного *чуж чужанин*. В СУМ также зафиксированы уменьшительные формы *чужинка*, *чужинька* (... *Так мені тяжко, так мені важко На чужиньці жити*).

Для прилагательного *чужий* выделяется значение ‘який не є батьківщиною або місцем постійного проживання для кого-небудь’ (дефиниция дословно совпадает с приведенным выше определением русского словаря). Литературные примеры также весьма характерны:

Хто з нас батьківську країну Проміняє на чужу? (Грабовський)

Так уже втомився подоріжжєю і безлюддям — бо тут [у Цюріху] усе чужі люди, що швидше почу до своїх. (Коцюбинський)

О думи мої! о славо злая! За тебе марно я в чужому краю Караюсь, мучуся... але не каюсь!.. (Шевченко)⁶

Там десь, в чужій стороні, серед кривавої війни, зложє він свою козацьку головоньку. (Мирний)

Сверх того словарь выделяет варианты значения ‘який стосується іншої держави, країни; іноземний’ со примерами *чужі мови*, *чужа література*, а также для чуже ‘те, що належить іншому народові’ со знаменитым шевченковским примером *Учітесь, читайте, І чужому научайтесь, Й свого не цурайтесь*. (там же: 378)

⁶Место ссылки Шевченко формально не было за границей, но воспринималось им как полностью *чужий край*. Не так давно присоединенные к империи азиатские колониальные земли действительно для привязанного к своей земле украинца были чужбиной.

В ВТССУМ и НТСУМ (т. 3) находим дословно те же дефиниции. Вообще, современные украинские толковые словари зачастую просто буквально воспроизводят определения предшественников, прежде всего из СУМ, лишь иногда слегка их модернизируя.

После рассмотрения украинских дефиниций создается впечатление, что лексема *чужина* получает значение 'заграница' достаточно поздно, в XIX–XX веке, возможно, под влиянием русского и польского (*obczyzna*) языка. Это напоминает историю развития семантики антонимической лексемы *батьківщина/вітчизна* в «государственном» смысле. Видимо, антонимическая пара развивалась параллельно, постепенно расширяя свое значение в связи с ростом «государственного» сознания у массы людей, распространения ими понятия «свое» на свой край целиком, а в случае «общерусского» сознания и на свое государство. Фольклорные и литературные примеры показывают, что *чужбина/чужая сторона* понимается в обоих языках почти одинаково и окрашена довольно мрачными красками, жизнь там неприятна, мучительна, нежелательна для человека. Однако украинские примеры производят впечатление несколько большей эмоциональной напряженности. Дискурс чужбины и (добровольного или вынужденного) изгнанничества, характерный для любого европейского языка, в украинском кажется особо акцентированным и иногда даже почти экзальтированным, для чего, конечно, были и есть свои исторические причины.

Устойчивая сочетаемость

Сопоставим теперь устойчивую сочетаемость интересующих нас лексем, включая некоторые синонимы (для существительного *чужбина* это: нейтр. *заграница*, *чужая страна*, поэт. *чужой край*, разг. *загранка*, *закордон*, а для наречий *заграницу*, *заграницей* — прост. *за бугор*, *за бугром*; синонимы для укр. *чужина* — *чужа країна*, *чужий край*, *чужоземщина*, разг. *закордон*, наречия *за кордон*, *за кордоном*). Рассматриваемые ниже сочетания характерны для общепатриотического дискурса в его дореволюционной, советской и постсоветских разновидностях, а также для эмигрантско-диаспорного дискурса, в том числе дискурса изгнания и репатриации. Нередко они встречаются в журналистике и публицистике, посвященной проблемам (ре)эмиграции, в биографической литературе. Все сочетания со словом *чужбина* в русском языке звучат достаточно торжественно и патетически. Однако украинская *чужина* скорее сентиментально-эмоциональна. Русские лексемы *заграница*, *заграницей*

нейтральны, как и украинские *закордон*, *за кордоном*, но последние выглядят скорее как относительная новая калька с русского, тем более, что эти слова известно и русскому разговорному языку. Недостаток места заставляет нас отказаться здесь от примеров употребления рассматриваемых сочетаний. Сам приводимый далее список последних — скорее выборочный.

оказаться на чужбине (заграницей) — опинитися на чужині (за кордоном)
попасть на чужбину (заграницу) — потрапити на чужину (за кордон)
далекая чужбина⁷ (заграница) — далека чужина (⁻⁸)
горький хлеб чужбины — гіркий хліб чужини
забросило на чужбину (заграницу) — закинуло на чужину (за кордон)
судьба забросила на чужбину — доля закинула на чужину
вернуться с чужбины (из-за границы) — повернутися з чужини (з-за кордону)
жизнь на чужбине (заграницей) — життя на чужині (за кордоном)
пребывание на чужбине (заграницей) — перебування на чужині (за кордоном)
умереть/погибнуть на чужбине (заграницей) — вмерти/загинути на чужині
 (?за кордоном — сочетание *вмерти за кордоном* звучит по-украински странно и не встречается в узусе, *померти/загинути за кордоном* встречается в дипломатическом и юридическом языке⁹).

Украинское фольклорное и литературное тавтологическое сочетание *чужа чужина* (*чужа чужаниця*) не переводится буквально на русский: ??*чужой чужбины* не существует. В украинском же сочетание известно и в территориальном значении, и в смысле «чужие люди». Ср. следующие цитаты, приводимые словарями: *Хоч і боліло серце старого, та його дитина... , може і зложить свою голову на чужій чужині, та що вдієш?* (Панас Мирный); — *Бувай здорова, Орисю! Не поминай лихом. А на Свят-вечір, за кутею, згадай таки бурлаку бездомного, що десь самотній на чужій чужині* (А. Головка). К значению «чужие люди»: *Чужа чужина не пожаліє* (Словник Б. Грінченка); [Явдоха:] *Хто ж нас завтра провідає? Ні роду тут немає, ні родиноньки... Чужа чужина!* (І. Карпенко-Карий).

Наконец, в литературно-журналистских контекстах встречается парадоксальное сочетание *родная чужбина — рідна чужина*. В связи с ним

⁷Ср. редкий лексический вариант *дальняя чужеземщина* (Некрасов).

⁸Сочетание *далекий закордон* существует в украинском языке (хотя явно скалькировано с русского), но используется преимущественно как эквивалент русского *дальнее зарубежье* (вместе с еще более близкой калькой *далеке зарубіжжя*), то есть для наименования всех стран мира, кроме так называемого *ближнего зарубежья* (*ближнє зарубіжжя, ближній закордон, близький закордон*), т. е. стран-республик бывшего СССР. В прочих сочетаниях русское слово *зарубежье* (книжный синоним для *заграница*) звучит подчеркнуто высоко и свойственно скорее языку поэзии.

⁹Наблюдение Н. Костяк.

можно упомянуть целую традицию оксюморонного соединения родины и чужбины, представленную в художественной литературе и публицистике. В частности, Марина Цветаева, важнейший поэт русской эмиграции XX века, создала горький оксюморон: *Чужбина, родина моя!* Цветаевой, кстати, также принадлежат более традиционно толкующие чужбину строки: *Может, горькую судьбину // Позабуду на чужбине // На другой какой груди.* Чужбина, таким образом, дарует забвение, но от нее в цветаевской картине мира можно устать: *Вот он — гляди — уставший от чужбин, // Вождь без друзей.* (СПЯМЦ, т. 4:534).

В общем же *чужбина* в обоих языках (в тех дискурсах, где употребляется это слово) — место беспамятства, ностальгии, тоски, несчастья, горя, гибели. Но тем не менее туда уезжают люди, отчаявшиеся найти свое счастье дома. Символом этого парадоксального представления в украинской культуре стала знаменитая песня «Журавлі» на слова Богдана Лепкого, своего рода культурный символ украинской диаспоры. В ее тексте эмигранты, тянущиеся за океан, ассоциируются с журавлями, улетающими в вырий:

*Чути: кру! кру! кру!
В чужині умру,
Заки море перелечу,
Крилонька зітру.*

В завершение обратим внимание на несколько близких рассматриваемому концептуальному полю слов, вступающих с его элементами в ассоциативные связи. Это прежде всего названия людей, оказавшихся на чужбине. Слово *изгой / изгой*, как известно, изначально означало человека, потерявшего права своего состояния и лишившегося определенного положения в обществе. Однако сейчас оно означает просто человека, изгнанного из какого-либо (со)общества. Но человек, изгнанный из родной страны/земли, называется в современном языке *изгнанником / вигнанцем (гнанцем)*. Ср. также богатый синонимический ряд: *висланець, засланець, висланий* (рус. *ссылный*), реже; *баніт (банит)*, устаревшее *баніта* ('изгнанник'). Ср., кстати, неперебиваемое на украинский советское клише *изгнанник Родины* — ??*вигнанець Батьківщини* (украинская родина, не будучи государством, не изгоняла своих людей). Человек, живущий на чужбине, без постоянного места жительства, без привязанности к тому или иному месту, будет назван *скитальцем* (точного украинского эквивалента не существует, в разных контекстах это может быть *блужач, бурлака* и *мандрівець*). Скитальчество может быть и добровольным. В русской и украинской культуре существует особое представление о добровольном (не всегда, но нередко религиозно мотивирован-

ном) изгнанничестве / скитальчестве, которое по-русски традиционно называется *странничеством* (*странник*) (в украинском *странник* как путешественник — *мандрівник*, *мандрівець*, а специально идущий к святым местам или путешествующий по ним — *прочанин*, а *странничество* — *прочанство*; ср. укр. перевод названия знаменитых «Откровенных рассказов странника своему духовному отцу» — «Щирі розповіді прочанина своему духовному отцеві»). Как замечает В.С. Степанов, «после Достоевского с идеей скитальчества и странничества остается навсегда ассоциированным мотив **отрыва от родной почвы** — компонент этически двойственный, предмет как воспевания, так и порицания.» (Степанов 2001: 199). Но в религиозном контексте странничество всегда оценивается позитивно.

В ряду лексем семантического поля чужбины назовем еще прилагательные *заграничный* / *заграничний*, *закордонный*; *иностранный*, устар. *иноземный* / *іноземний*; *зарубежный* / *зарубіжний*; устаревшее или разговорное в обоих языках *заморский* / *заморський*. Ср. также наименования приезжих из-за границы: *иностранец* / *іноземець*; *чужеземец* / *чужоземець*, *чужинец*. Для обозначения людей не из своего села в обоих языках используется слово *чужак*, но оно едва ли применимо к иностранцу. Русскому книжному устаревшему *чужестранец* формально соответствует укр. разговорное *чужосторонец*.

Следующим этапом анализа и реконструкции интересующих нас концептов станет более детальное рассмотрение функционирования лексем лексико-семантического поля *заграницы-чужбины* и их сочетаний в различных дискурсах русского и украинского языков, а также реконструкция наивного языково-культурного образа чужбины в русском и украинском языках. Из-за ограниченности объема данной статьи это станет предметом нашей следующей работы. Должны быть также рассмотрены некоторые теоретические проблемы, а именно: критерии выделения, классификации и методы анализа дискурсов и их регистров, проблема репрезентативности отдельных цитат, минимального объема корпуса, необходимого для адекватной реконструкции содержания концепта в том или ином идеологизированном дискурсе, способы резюмирования иллюстрирующих цитат, вопрос применимости для анализа открытых идеологизированных дискурсов метода описания семантики при помощи тезаурусных функций (фасет), разрабатываемого С. Е. Никитиной и Е. Бартминым на фольклорном материале, и мн. др. Хочется надеяться, что все эти вопросы станут предметом широкой дискуссии о путях и методах контрастивного концептуального анализа аксиологической лексики в славянских языках.

Литература

- Антипенко, Карнаушенко 1993 — Антипенко Л., Карнаушенко Г. *Родина глазами харьковского студенчества* [W:] *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1993. S. 105–126.
- Жайворонок 2001 — Жайворонок В. В. *Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень* [Y:] *Мовознавство*. №5. 2001. С. 48–63.
- Жданова 2004 — Жданова В. *Представления о родине и чужбине в сознании современных русских* [W:] *Etnolingwistyka*. Т. 16. Lublin 2004. S. 129–147.
- Колесов 1986 — Колесов В. В., *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград, 1986. (глава *Власть и держава*).
- Купина 1999 — Купина Н. А. *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*. Екатеринбург, 1999. Раздел III: *Идейность, безыдейность и упадничество*. Гл. 1: *Советская песня о Родине как воплощение идейности* (там см. параграфы: *Песенный текст как сетка идеологем*; *Формы противостояния в текстах песен о Родине*). С. 87–121.
- Сандомирская 2001 — Сандомирская И. *Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик*. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 50). Wien, 2001.
- Степанов 2001 — Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*: Изд. 2-е, Москва, 2001.
- Телия 1999 — Телия В. Н. *Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина»* [B:] *Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой*. М., 1999. С. 466–477.
- Юдин 2003 — Юдин А. В. *Русский концепт родина/отечество/отчизна и украинский батьківщина/вітчизна: сопоставительный анализ* [B:] *Slavica Gandensia*, vol. 30, p. 137–163.
- Bartmiński и др. 1998 — Bartmiński J., Sandomirskaja I., Telija V. *Ojczyzna w polskim i rosyjskim językowym obrazie świata* [W:] *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria IX, Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 21–29.
- Lesiów 1993 — Lesiów M. *Bat'kivszczyzna, witeczyzna, ridnyj kraj. Rozwój pojęcia ojczyzny w języku ukraińskim* [W:] *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1993. S. 93–104.
- Lewicki 1993 — Lewicki R., *Semantyka pojęcia ojczyzny i jego funkcjonowanie we współczesnym języku rosyjskim* [W:] *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*. Pod red. J. Bartmińskiego, Lublin, s. 83–91.
- Pojęcie ojczyzny 1993 — *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1993.
- Tolstaja 1993 — Tolstaja S. M. *Ojczyzna w ludowej tradycji słowiańskiej* [W:] *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1993. S. 17–22.
- Wierzbicka 1993 [1999] — Wierzbicka A., *Lexicon as a Key to History, Culture and Society. 'Homeland' and 'Fatherland' in German, Polish, and Russian* [In:] *Current Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993*, Frankfurt a M., 1993, p. 103–155. Мы ссылаемся на польский перевод этой работы: *Słownik kluczem do historii i kultury. „Ojczyzna” w językach niemieckim, polskim i rosyjskim* [W:] Wierzbicka A., *Język — umysł — kultura*. Wybór prac pod red. J. Bartmińskiego, Warszawa, 1999, s. 450–489.

Словари

- БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- ВТССУМ — *Великий тлумачний словник сучасної української мови* / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ, 2002.
- Гринченко — *Словарь української мови* / Упор. Б. Гринченко. У 4 т. Київ, 1996 (репринт издания 1907–1909 гг.). Т. 1, 3.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М., 1980–1981 (репринт издания 1881 г.). Т. 4.
- КСРЯ — *Комплексный словарь русского языка* / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2001.
- НСРЯ — Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*: В 2 т. М., 2001.
- НТСУМ — *Новий тлумачний словник української мови*: У 3 т. / Уклад. В. Яременко, О. Сліпущко. Київ, 2001.
- Ожегов — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. М., 2002.
- РСС — *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
- СМШ — *Словник мови Шевченка*: В 2-х тт. / Ввідп. ред. В. С. Ващенко. К., 1964.
- СПЯМЦ — *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой*: В 4-х т. / Сост. Белякова И. Ю., Оловяникова И. П., Ревзина О. Г. М., 1996. Т. 4.
- СРЯ — *Словарь русского языка* / Гл. ред. А. П. Евгеньева. В 4-х т. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1982; Т. 3. М., 1983.
- ССРЯ — *Словарь синонимов русского языка* / Под ред. А. П. Евгеньевой / В 2-х тт. Т. 2. М., 2001.
- ССУМ — *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* В 2-х т. Київ, 1977–1978. Т. 2.
- СУМ — *Словник української мови*. В 11 т. Київ, 1970–1980. Т. 1, 5.
- СЯП — *Словарь языка Пушкина*. В 4 т. М., 1956–1961. Т. 3.
- Фасмер 1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. М., 1987. Т. 4.

THE CONCEPT ЧУЖБИНА/ЧУЖИНА IN RUSSIAN AND UKRAINIAN:
A CONTRASTIVE ANALYSIS

The aim of the article is to initiate a discussion on the methods of conceptual analysis of closely related languages. It proposes a contrastive conceptual analysis of the axiological lexicon in Russian and Ukrainian, based on the example of the concepts *чужбина* and *чужина* ('a foreign country', or in a broader sense 'any place which is not home'). The concepts are of primary importance for both languages and cultures. The article explores the traditional representation of *чужбина* in folklore on the basis of incantations, religious poems, ballads, mourning verses, carols, proverbs, idioms and toponyms. Compared are lexicographic definitions of the lexemes *чужбина/чужина* in both languages, since the Middle Ages till now. Fixed word combinations with the lexemes and their synonyms, as well as selected literary contexts are also investigated.